

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>

EDN WVRTGW

Цивилизационные факторы формирования российских элит в контексте проблемы исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры

Андрей Владимирович Панков

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Введение. В современных условиях актуализируются исследования проблем цивилизационного контекста в формировании российских элит с учетом исторической ретроспективы. Это является необходимым элементом элитологических исследований, позволяющим углубить наше представление о механизмах элитообразования в политической истории России и в то же время – репрезентировать актуальную проблему воспроизводства и сохранения исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры и предпосылки ее формирования на основе традиционных ценностей.

Цель. Выявление цивилизационного контекста в формировании российских элит с учетом анализа исторической ретроспективы.

Методы. При проведении исследования автором применялись историко-генетический подход; сравнительный историко-политологический анализ; цивилизационный подход (политологический аспект).

Результаты. В статье выявлены и проанализированы цивилизационные факторы формирования российских элит в советской России, в мобилизационных условиях ВОВ в контексте проблем исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры, а также проблемы циркуляции, ротации, трансформации и смены политических элит. Отмечены 4 поколения советских элит: ленинская, сталинская, хрущевско-брежневская и горбачевская элита. Показаны специфика, заданная уникальным цивилизационным контекстом, и общие архетипические черты российских элит, дана оценка качества элит с точки зрения цивилизационно-элитологического подхода.

Выводы. К концу советской эпохи выкристаллизовался тип бюрократа-чиновника, партийно-номенклатурного функционера, представителя политико-административной элиты, который стремится к привилегиям и карьерному повышению. Вместе с тем, в противостоянии коммунистической и капиталистической идеологии, стран социалистического и капиталистического лагеря, в процессе радикальной перенормировки ценностей, в отдельные представители элиты и политические лидеры проявили подлинный патриотизм, самопожертвование и стратегический талант руководства страной, превращения ее в сверхдержаву. Это характерно для периода милитаристско-мобилизационного состояния социально-политической системы, в ситуации Великой Отечественной войны, поскольку перед лицом внешней угрозы народ и политическая элита сплотились на основе патриотической идеологии, традиционной политической культуры, национальных интересов России.

Ключевые слова: историческая память, политическая культура, цивилизационно-элитологический подход, традиционные ценности, Великая Отечественная война, патриотизм, политико-административная элита

Для цитирования: Панков А. В. Цивилизационные факторы формирования российских элит в контексте проблемы исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 307–315. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>. EDN WVRTGW

Civilizational factors of the formation of Russian elites in the context of the problem of historical memory as a foundational element of political culture

Andrey V. Pankov

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

Introduction. In modern conditions, research on the problems of the civilizational context in the formation of Russian elites is being updated, taking into account historical retrospect. This is a necessary element of elitist research, which makes it possible to deepen our understanding of the mechanisms of elite formation in the political history of Russia and, at the same time, to represent the urgent problem of reproduction and preservation of historical memory as a foundational element of political culture and the prerequisites for its formation based on traditional values.

Purpose. Identification of the civilizational context in the formation of Russian elites, taking into account the analysis of historical retrospect.

Methods. When conducting the research, the author applied the historical and genetic approach; comparative historical and political analysis; civilizational approach (political science aspect).

Results. The article identifies and analyzes the civilizational factors of the formation of Russian elites in Soviet Russia, in the mobilization conditions of the Second World War in the context of the problems of historical memory as a foundational element of political culture, as well as the problems of circulation, rotation, transformation and change of political elites. There are 4 generations of Soviet elites: the Leninist, Stalinist, Khrushchev-Brezhnev and Gorbachev elites. The specifics of the unique civilizational context and the common archetypal features of the Russian elites are shown, and the quality of the elites is assessed from the point of view of the civilizational-elitist approach.

Conclusions. By the end of the Soviet era, a type of bureaucrat had crystallized—an official, a party and nomenklatura functionary, a representative of the political and administrative elite who aspires to privileges and career advancement. At the same time, in the confrontation between communist and capitalist ideology, the countries of the socialist and capitalist camps, in the process of radical renormalization of values, individual representatives of the elite and political leaders showed genuine patriotism, self-sacrifice and strategic talent for leading the country, turning it into a superpower. This is typical of the period of the militaristic-mobilization state of the socio-political system, in the situation of the Great Patriotic War, since in the face of an external threat, the people and the political elite rallied on the basis of patriotic ideology, traditional political culture, and the national interests of Russia.

Keywords: historical memory, political culture, civilizational and elitist approach, traditional values, the Great Patriotic War, patriotism, political and administrative elite

For citation: Pankov A. V. Civilizational factors of the formation of Russian elites in the context of the problem of historical memory as a foundational element of political culture. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):307–315. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>. EDN WVRTGW

Введение

Немаловажным аспектом рассмотрения темы цивилизационного своеобразия национальных элит и цивилизационных факторов, детерминирующих их качество, выступает историческое сознание как составляющая политической культуры. В современных монографиях и учебных пособиях по политической элитологии раскрывается история политических элит в России. В современных условиях актуализируются исследования проблем цивилизационного контекста в формировании российских элит с учетом исторической ретроспективы. Это является необходимым элементом элитологических исследований, позволяющим углубить наше представление о механизмах элитообразования в политической истории России и в то же время – репрезентировать актуальную проблему воспроизводства и сохранения исторической памяти как фундирующего

элемента политической культуры [1–4] и предпосылки ее формирования на основе традиционных ценностей. «Можно утверждать о закономерном характере изменении содержания и роли истории в общественной жизни в периоды кризиса социальности. В десятилетие перемен, на рубеже веков, история стала средством политической борьбы, и такой факт был признан конгрессом профессиональных историков» [5, с. 87].

Теоретические основы

Анализ в научной литературе исторического генезиса российских элит в новой и новейшей истории показал, что он был связан с разрушением социально-политической и культурно-цивилизационной базы элиты Российской империи после революции 1917 года и формированием новой элиты Страны Советов. В советском политическом дискурсе существовала концепция, согласно которой Коммунистическая партия играла направляющую и руководящую роль в развитии общества, выступала лидером построения «коммунистической (бесклассовой, всечеловеческой) цивилизации» [6]. «Отметим также, что особенностью истории России является то, что трансформации и смены элит были кровавыми, сопровождалась истреблением элит, несогласных с курсом правящей группы, выкорчевыванием традиционных элит и насаждением новых» [7].

Результаты и обсуждение

В исторической науке широко освещена тема псевдодемократического преобразования Российской империи в результате революции 1917 г. в социалистическое государство, управляемое правящей партией в интересах большинства народа. С точки зрения элитологического подхода, к власти пришла элита партии большевиков, которая узурпировала власть и правила страной от имени пролетариата репрессивными методами в целях построения социализма.

Как отмечают многие исследователи, в начале XX века идеология нового социалистического народного государства разрабатывалась и вносилась в массы элитой интеллигентов нового поколения, достаточно циничных, энергичных, радикально настроенных, чтобы использовать народные массы под лозунгами эгалитаризма и антиэлитизма для прихода к власти, а затем эксплуатировать их в целях ее преумножения и сохранения. Партия большевиков была организована на принципах сверхцентрализованности, жесткой дисциплины, конспирации, иерархии, в рамках которой руководящее ядро партии выступало элитой, директивно управляющей рядовыми членами партии и народом страны [8].

Разногласия среди лидеров РСДРП, прежде всего Ленина и Плеханова [9], по вопросам централизации власти и методов проведения политики диктатуры пролетариата, как известно из истории, укрепили позицию Ленина [10]. Демократические принципы внутрипартийной жизни были отвергнуты как реакционные и буржуазные, поэтому стратегия привлечения в элиту страны Советов наиболее талантливых и профессионально подготовленных членов общества из бывших «низов» и «верхов» не была полномасштабно и последовательно реализована. Представители дореволюционной элиты были вынуждены иммигрировать или подверглись политическим репрессиям, а пути рекрутирования на демократических началах для рядовых членов партии в новую большевистскую элиту были ограничены.

Следует отметить, что историками и политологами выделены четыре поколения Советской элиты, трансформация которых во многом связана со развитием элитологического контекста. Исследователи выделяют большевистскую (ленинскую), сталинскую, хрущевско-брежневскую и горбачевскую элиты.

Ленинская элита большевиков, раздувавшая «пожар революции» и инициировавшая политику диктатуры пролетариата и красный террор, может рассматриваться в известной степени как выразитель государственных интересов. Ценностно-цивилизационным контекстом правления данной элиты выступает идея России, идеологически захватывающая новые страны и территории посредством распространения идей марксизма-ленинизма и свершения социалистических революций в мировом масштабе [11].

Дискуссионным является вопрос о моральных качествах представителей ленинской элиты. Ее представители оправдывали любые жертвы целями социального эксперимента и властными амбициями молодых, по сравнению с представителями дореволюционной элиты,

лидеров большевиков. Умело использовавшие объективные условия перехода страны на путь интенсивного развития, большевики применяли экстремистские жесткие методы централизованного управления, которые помогли им одержать победу в гражданской войне и осуществить в последующем перевод страны на рельсы индустриализации и коллективизации, и как итог – добиться Победы в Отечественной войне против фашистской Германии.

Вместе с тем, ленинская гвардия элиты допускала и теоретически, и практически демократический сценарий развития партии, приток в нее новых членов из разных слоев нового советского общества. В научной литературе показано, что после ликвидации в ходе репрессий второй половины 1930-х гг. ленинской гвардии на власти пришла обновленная сталинская элита. Новое поколение политической элиты, России сформировалась «из низов», менее образованных и компетентных, более послушных воли лидера, более безнравственных и более радикальных [12].

Следует отметить, что в общественном мнении присутствует в основном положительное отношение к элите октябрьской революции и ее лидерам [13]. Результаты опросов¹ указывают, как нам представляется, не только на возрождающееся историческое сознание россиян и патриотический запрос к интерпретации истории, но и значимость лидерско-элитной составляющей в культурно-цивилизационном коде России. Фигура верховного лидера в российском политическом сознании это не столько фигура руководителя и политического менеджера, сколько харизматическая фигура вождя – идейно-духовного авторитета и «отца народа». Это позволяет диагностировать в российской политической культуре традиционный харизматический тип господства и легитимации власти (по М. Веберу), который наиболее согласуется с исторически сложившимися российскими традициями власти, российской цивилизационной матрицей евразийского государства.

Образ правителя-отца, строгого, но справедливого, наказывающего во благо, вынужденного проявлять необходимую для управления обширными российскими мульти национальными пространствами твердость и даже жесткость, также можно считать российским архетипом политической культуры, который, как показывают социологические исследования, активно присутствует и в современном российском менталитете. Дальнейшие процессы элитогенеза в отечественной истории, как показывает ретроспективный политический анализ, привели к тому, что Сталин наделил верхушку власти привилегиями и создал бюрократическую машину, основанную на принципах личной преданности вождю. Здесь, как считал Троцкий, произошел отказ от подлинного социализма и переход к формированию нового эксплуататорского класса сталинской элиты партийных функционеров [14].

Сталинская элита, отобранная по принципу личной преданности вождю, и осуществляющая масштабные репрессии инакомыслящих, руководила во время Великой Отечественной войны и после нее всеми внутренними процессами: восстановлением разрушенной экономики, созданием ракетно-ядерного щита и др. Под руководством сталинской элиты страна реализовывала классическую политическую стратегию милитаристско-мобилизационного типа.

Сталин сформировал и узаконил систему привилегий для бюрократии и номенклатуры. Для чиновников были специальные столовые, магазины, социальное обеспечение. Созданный номенклатурно-чиновничий аппарат обслуживал вертикаль власти и машину репрессий. Несмотря на то, что у сталинской элиты формально отсутствовало право собственности на ресурсы страны (они принадлежали государству и народу) реально партийная номенклатура и бюрократия, сталинская элита, в виду близости к реальной власти, распоряжалась и управляла богатствами страны в том числе в в своих интересах [15].

Реализуя «восточную стратегию» политической конкуренции и борьбы за власть, Сталин физически истребил старую ленинскую гвардию, которая знала его как человека властного жесткого и противостоящего линии Ленина, а также всех тех, кто мог разрушить его мифологизированный образ вождя-наследника и соратника Ленина. Новая мифология и идеология обеспечивала преемственность и харизму его политической власти. Новая, подконтрольная ему высшая

¹ Сто лет без Ленина. 19 января 2024: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sto-let-bez-lenina> (дата обращения 12.02.2024)

элита формировалась в основном из кандидатов в ЦК КПСС, которыми являлись в основном прошедшие накануне войны на места репрессированных местные руководители, секретари обкомов, горкомов и другие партийные функционеры. Следует отметить, что в системе жесткой властной иерархии и единоначалия в управлении, представители сталинской советской элиты хотя и обладали привилегиями, прилагающимися к государственной должности, но могли сами оказаться объектом репрессий, что еще более ужесточало «восточную» модель подчинения, партийную дисциплину и централизацию власти в руках партийной верхушки и лидера. Объединяющей социально-политической идеологией при этом выступала идея построения сверхдержавы СССР, которая детерминировалась актуальным контекстом развития и противостояния, конкуренции и войны стран за мировое господство, а затем – холодной войной между СССР и США.

В анализе сталинской советской элиты следует особо выделить цивилизационный контекст Великой Отечественной войны, поскольку в условиях, когда социально-политическая система России перешла в аварийный мобилизационный режим, она создает особые условия для формирования управляющей элиты и выдвижения стратегических лидеров [16]. На этом этапе верховная власть отдает в распоряжение руководителей на местах значительный ресурс для ликвидации аварии, решения критических кризисных ситуаций любой ценой. Вместе с тем, она и ставит ультимативные требования победы, которые требуют героических самоотверженных усилий. За результат руководители в прямом и переносном смысле отвечали головой.

Наиболее талантливые патриотические ориентированные лидеры могут выдвигаться в элиту на этапе «тушения пожара» и мобилизации социально-политической системы. Однако, их беспрецедентные полномочия, свобода в принятии решений и ресурсы ситуативны. После того, как система ликвидирована аварию, она переходит к стадии восстановления и накопления ресурсов, в рамках которой прежние лидеры и инициативы интегрируются в новую реальность на правах формальных героев, но лишаются реальной власти. Реальная власть переходит обратно к чиновникам и кругу доверенных лиц властвующего верховного лидера.

Применительно к цивилизационному контексту Великой Отечественной войны, обозначенную теорию можно подкрепить фактами. В 1937-1938 гг. Сталин во многом избавляется от военной элиты Красной Армии, имеющей опыт гражданской войны. По доносам, поданным на командиров разного уровня, а также по личному распоряжению Сталина, были репрессированы, попали в заключение или были расстреляны большинство высших командиров Красной Армии. Он формирует новое военное командование, которое должно находиться под постоянным идеологическим надзором Военного Совета [17]. Специалисты считают, что к началу войны кадровый состав военной элиты включал командиров Красной Армии и выдвиженцев Сталина, многие из которых были и обладали опытом, чтобы командовать масштабными боевыми действиями в условиях внезапной войны в 1941 года.

Возникшая тяжелая обстановка на фронте требовала выдвижения новых лидеров из рядов военной элиты и решительных действий, способных переломить ход войны в пользу СССР. Соответственно возникла необходимость изменения характера и стратегии взаимодействия между Сталиным как верховным политическим лидером – главнокомандующим и военной элитой. Немаловажно, что, как считают исследователи, авторитарный стиль Сталина и тактика запугивания, которую он применял, в том числе по отношению к военной элите в период ВОВ, после 1943 г. претерпели определённые изменения, поскольку показали полную неэффективность в условиях войны, с ее постоянным риском для жизни и притупляющемся чувстве опасности. Сталин делегирует некоторые полномочия командирам, в том числе право награждать за боевые заслуги, что является символическим актом, когда лидер делится властью, а также выступает более мощным стимулом к самоотверженному служению Родине и самопожертвованию, чем угрозы и репрессии. «Завершая характеристику военной элиты Красной армии, следует отметить, что ее формирование накануне Великой Отечественной войны происходило Сталиным с большими ошибками. Желание получить абсолютно послушные и преданные лично ему высшие военные кадры нанесло ущерб компетентности и профессионализму, привело к тяжелым последствиям. Только годы суровых испытаний позволили создать ту элиту, которая превзошла элиту вермахта» [17].

Следует также отметить, что объединяющей идеологией советской элиты периода ВОВ была любовь к Родине и патриотизм, идея самопожертвования под лозунгом «все ради Победы». Данная ценностная ориентация соответствует выявленным следователями российскому цивилизационному коду и особенностям российской цивилизационной матрицы, которая предполагает, что большие проблемы решаются коллективно всем миром. Народ и власть объединяются для решения актуальной задачи, чтобы предотвратить крушение российской цивилизации, ликвидировать аварию, угрозу и кризис социально-политической системы.

Элита периода руководства Хрущева и Брежнева обладала привилегиями и полномочиями в контексте стабильности, социально-экономического «застоя» и правления геронтологической элиты. С одной стороны, во внутренней политике наступила «оттепель», что сопровождалось ослаблением цензуры и репрессивных стратегий. С другой стороны, во внешней политике СССР продолжали проводить политику реально созданной Сверхдержавы, идейного и военного противостояния стран социалистического и капиталистического лагеря.

Существует мнение, что эпоха Хрущева и особенно Брежнева завершили рутинизацию и становление советской бюрократической элиты, которая стала носить посредственный, узкофункциональный характер. После устранения из власти Н. С. Хрущева были ликвидированы территориальные совнархозы и оформились централизованные бюрократические схемы управления народным хозяйством. Корпоративные интересы высшей части политической элиты на данном этапе кристаллизовались вокруг задачи самовоспроизводства и обеспечения уровня жизни в условиях отсутствия частной собственности. Неспособная к радикальной ротации и массовой инкорпорации в свои ряды новых членов, политическая элита подготавливала свой упадок и потерю власти [18]. Можно согласиться с мнением, что Горбачев не был «могильщиком» советской системы, а пытался ее спасти посредством перестройки и переориентации на новые стратегические цели интенсивного развития и отчисления из ЦК КПСС консервативных членов руководства. Он попытался радикально обновить и модернизировать советскую элиту изнутри, но не смог эффективно довести до конца реформы в цивилизационном контексте по успешному китайскому образцу.

Как известно, актуальной проблемой политического управления является требование, что политическая элита, находящаяся у власти должна трансформировать сама себя в целях приобретения новых качеств, адекватных обстоятельствам и вызовам времени. Наиболее дальновидные представители элиты понимают и принимают данный вызов. Вместе с тем, интенция к трансформации противоречит одной из целей правящей политической элиты – сохранения и преумножения власти. Хотя определенная часть элиты имманентно не заинтересована в переменах изнутри, внешние объективные обстоятельства вынудили ее начать перестройку и провозгласить новые цивилизационные ориентиры.

В 1970-1980-х годах СССР переживал системный кризис, вызванный стагнацией советской идеологии и практики, ограничением ресурсов в ходе гонки вооружений с агрессивным Западом. С конца 1980-х гг. в СССР начались обновление и «перестройка» в интересах в первую очередь народа, горячо воспринявшим перемены. М. С. Горбачев взял курс на сближение с Европой и США, вплоть до курса на вхождение в целом в западную цивилизацию с ее «общечеловеческими ценностями». Смена цивилизационного контекста требовала адекватной трансформации и смены властных элит. В это время происходит формирование и приход к власти кадров Горбачева, которую можно назвать элитой перестройки. Данная элита была объединена идеей модернизации страны, радикальной перестройкой партии. Под этими лозунгами обновления и модернизации элита перестройки привела социалистический лагерь и СССР к распаду. Процесс радикального разрушения социалистической экономики, инфляции, развертывания гражданских войн на территории Северного Кавказа, парламентский кризис 1993 г, дефолт и проч., дальнейшем осуществила уже элита нового поколения, получившая несравнимые с прошлой эпохой привилегии и частную собственность.

В целом, советская элита несет безусловную ответственность за принятие судьбоносных решений в условиях коллективизации, индустриализации, милитаризации страны и т.д., в том числе и за репрессии, за внутриэлитные «чистки» и политические репрессии, которые негативно повлияли на научно-культурный и социально-экономический потенциал страны. Вместе

с тем, следует учитывать, что социально-исторический и политический контекст советской эпохи отражает эпоху геополитического и идеологического противостояния стран социалистического и капиталистического лагеря, буржуазной и коммунистической идеологии, которое сопровождалось революциями, войнами и гонкой вооружений. Поэтому разворачивание военно-мобилизационной стратегии развития, которая перевела советскую социально-политическую систему в режим победы любой ценой, представляется закономерным. При этом, победа была достигнута ценой затраты и потери части основного стратегического ресурса, необходимого для модернизации и инновационного развития страны – человеческого капитала.

Действия советской партийно-номенклатурной политической элиты не были свободны от стратегических и тактических ошибок. Моральный облик высших руководителей, персонифицированный фигурами Сталина, Хрущева, Брежнева и др., вызывал после их смерти ожесточенную критику.

В позднесоветскую эпоху политическая элита увеличила реальный разрыв общества и власти, сведя политическое участие граждан в политическом управлении страной к формализованному одобрению предлагаемых ЦК КПСС целей и задач. На практике прогресс и достижения в определенных областях социально-экономического производства обеспечивался за счет актуализации энтузиазма советского народа, ценой перерасхода стратегических ресурсов. Вместе с тем, советская мифология и интернационалистская идеология, использовавшего в символической политике образ СССР как семьи народов, обеспечивала единство социально-политической идентификации на советском пространстве.

Иллюстрируя и репрезентируя уникальный, присущий каждой эпохе цивилизационный контекст, исследователи отметили преемственность российских элит, которая обеспечивается циклическим воспроизводством «культурно-цивилизационного кода» и «цивилизационной матрицы», в которых воспроизводятся российские традиции власти.

Исходя из идеального понимания национальной патриотически настроенной элиты как служилого интересам государства и общества и обладающего энергией, властными интенциями, ресурсами и полномочиями класса и «сословия», следует невысоко оценить качество позднесоветских и современных элит, поскольку они не смогли адекватно ответить на вызовы времени, сохранить ориентацию на национальные интересы России и высокие стандарты государственной службы как патриотичного служения Отечеству. Отсутствие своевременной ротации элит привело к тому, что сложившаяся геронтократия не смогла проявить в решающий момент в условиях кризиса, отчуждения от власти от народа и т.д. выполнить политическую волю, направленную на социально-политическую модернизацию, формирование консенсуса элиты и общества на основании единства традиционных ценностей и общих интересов.

Опираясь на цивилизационные традиции, черты и методы евроазиатских и азиатских элит, советские элиты закрепляли принципы авторитаризма и единоначалия во власти, увеличивая разрыв политической элиты и народных масс, утверждая принципы формального, а не реального участия народа в политическом управлении страной. Стратегические и идеологические ошибки лидеров страны, борьба за власть, стремление элиты к самовоспроизводству и самосохранению способствовали снижению человеческого капитала и потенциала.

Заключение

К концу советской эпохи сложилось несколько типов партийно-номенклатурного функционера, среди которых был наиболее заметен тип бюрократа-чиновника, как аморального представителя политико-административной элиты, который стремится к привилегиям и карьерному повышению, подбострастен по отношению к вышестоящим и высокомерен по отношению к нижестоящим его по социальному статусу и положению.

Вместе с тем, следует отметить, что в XX веке Россия столкнулась с масштабными историческими вызовами и потрясениями, противостоянием коммунистической и капиталистической идеологии и стран социалистического и капиталистического лагеря, радикальной перенормировкой ценностей, в том числе политической культуры, в условиях которых немалая часть элиты проявила подлинный патриотизм, самопожертвование и стратегический талант руководства страной, добившись ее превращения в сверхдержаву. Это особенно было характерно

для периода милитаристско-мобилизационного состояния социально-политической системы и российской цивилизации, в ситуации Великой Отечественной войны и других войн, поскольку перед лицом внешней угрозы народ и политическая элита сплотились на основе патриотической идеологии, национальных интересов России.

Список источников

1. Бельский В. Ю. Память предков: объединяющая сила истории [Рецензия на кн.: Кикнадзе В. Г. Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. Москва: Вече, 2022. 320 с.] // Наука. Общество. Оборона. 2023. №2 (35). С. 22–22.
2. Воденко К. В. Управление исторической памятью как способ формирования национальной идентичности полиэтничного социума // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2021. №12 (14). С. 81–88.
3. Суворов В. Л. Великая Победа: уроки прошлого и вызовы современности // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 4–9.
4. Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. 2023. № 1. С. 27–45.
5. Кучуков М. М. Историческое сознание как феномен социокультурной регуляции поведения субъектов гражданскообщественного общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12 (114). С. 84–88.
6. Кислицын С. А. Советская Коммунистическая правящая элита / Российская историческая политология. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. С. 138-160.
7. Ашин Г. К. Элитология : история, теория, современность: монография. М.: МГИМО, 2010. 600 с. ISBN 978-5-9228-0582-7.
8. Кислицын С. А., Лубский А. В. Элиты и контрэлиты России. Вопросы теории и политической практики. Ростов н/Д., 2014. С. 100–121.
9. Был ли у России выбор? (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х гг.). Сб. ст. / Отв. ред. Б. В. Богданов. М.: ИФ РАН, 1996. 175 с.
10. Пантин И.К. Русская революция: идеи, идеология, практика. М.: Летний сад, 2015. 294 с.
11. Лубский А. В. Государственная власть в России (исторически реалии и проблемы легитимности) / Российская историческая политология. Ростов н/Д., 1999. С. 47-94.
12. Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона и др. М.: ЛЕНАНД, 2011. 616 с.
13. Воробьев А. В. "Красный консенсус" – октябрь 1917 года в национальной памяти современного российского общества // Этнодиалоги. 2021. № 3-4 (65-66). С. 141–154.
14. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
15. Авторханов А. Г. Технология власти. М.: «Русский шахматный дом», 2019. 898 с. ISBN 978-5-94693-747-4
16. Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. 376 с.
17. Саранцев Н. В. Элита Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2004. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elita-krasnoy-armii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 27.01.2024).
18. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции: монография. М.: Российская политическая энциклопедия [РОССПЭН], 2006. 446 с.

References

1. Belsky V. Y. Memory of ancestors: the unifying power of history [Review of the book: Kiknadze V. G. The Power of the V Truth. Protection of historical memory as a strategic national priority of Russia. Moscow: Veche, 2022. 320 p.]. *Science. Society. Defense*. 2023;2(35):22-22. (In Russ.)
2. Vodenko K. V. Historical memory management as a way of forming the national identity of a multi-ethnic society. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2021;12(14):81–88. (In Russ.)
3. Suvorov V. L. The Great Victory: lessons of the past and challenges of the present. *Military historical magazine*. 2021;(5):4–9. (In Russ.)
4. Rusakova O. F. On the issue of the concept of "memory policy regime": methodological analysis. *Discourse-Pi*. 2023;(1):27–45. (In Russ.)

5. Kuchukov M. M. Historical consciousness as a phenomenon of socio-cultural regulation of behavior of subjects of civil society. *International Scientific Research Journal*. 2021;12(114):84–88. (In Russ.)
6. Kislitsyn S. A. The Soviet Communist ruling elite. In: *Russian Historical Political Science*. Rostov-on-Don; 1999:138–160. (In Russ.)
7. Ashin G. K. *Elitology: history, theory, modernity*: monograph. Moscow: MGIMO, 2010. 600 p. ISBN 978-5-9228-0582-7. (In Russ.)
8. Kislitsyn S. A., Lubsky A. V. *The elites and counter-elites of Russia. Issues of theory and political practice*. Rostov-on-Don; 2014:100–121. (In Russ.)
9. *Did Russia have a choice? (N. I. Bukharin and V. M. Chernov in the socio-philosophical discussions of the 20s)*. Collection of articles. Ed. by B. V. Bogdanov. Moscow: IF RAS, 1996. 175 p. (In Russ.)
10. Pantin I. K. *The Russian Revolution: ideas, ideology, practice*. Moscow: Summer Garden; 2015. 294 p. (In Russ.)
11. Lubsky A. V. State power in Russia (historical realities and problems of legitimacy). In: *Russian Historical Political Science*. Rostov-on-Don, 1999:47–94. (In Russ.)
12. *The Socialist ideal and real socialism: Lenin, Trotsky, Stalin*. Under the general editorship of I.G. Abramson and others. Moscow: LENAND; 2011. 616 p. (In Russ.)
13. Vorobyov A. V. "The Red Consensus" – October 1917 in the national memory of modern Russian society. *Ethnodialogues*. 2021;3-4(65-66):141–154. (In Russ.)
14. Trotsky L. D. *On the history of the Russian Revolution*. Moscow: Politizdat; 1990. 447 p. (In Russ.)
16. Avtorkhanov A. G. *Technology of power*. Moscow: "Russian Chess House"; 2019. 898 p. ISBN 978-5-94693-747-4. (In Russ.)
17. Prokhorov A. P. *The Russian management model*. Moscow: ZAO "Expert Magazine"; 2002. 376 p. (In Russ.)
18. Sarantsev N. V. The elite of the Red Army during the Great Patriotic War. *Industry: economics, management, technology*. 2004;(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elita-krasnoy-armii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (date of reference: 01/27/2024). (In Russ.)
19. Gaman-Golutvina O. V. *Political elites of Russia. Milestones of historical evolution*: a monograph. Moscow: Russian Political Encyclopedia [ROSSPEN]; 2006. 446 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. В. Панков – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. V. Pankov – Postgraduate student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 04.03.2025.